

A photograph of a small, rustic wooden cabin with a steep, thatched roof covered in moss. The cabin is built from horizontal logs and has an open doorway. It is situated in a lush green forest with many tall, thin trees. In the foreground, there is a large fallen log and several small green plants growing in the soil.

Ominayashi

*Лес, в котором
нет стен*

Ominayashi

Лес, в котором нет стен

«Автор»

2026

Ominayashi

Лес, в котором нет стен / Ominayashi — «Автор», 2026

Лес, в котором нет стен — история об Иве, которая ушла из города Листа в лес и построила себе жизнь там: хижину на берегу безымянного ручья, силки, чай из сушёных ягод, разговоры с тишиной, которая отвечает ветром и синицами. Она не считает себя ни счастливой, ни несчастной — она считает себя свободной, и город, встречая её на окраине, смотрит на неё со смесью жалости, страха и лёгкого отвращения, которого она не замечает. Но однажды через лес с востока, со стороны серых Голубых холмов, приходит человек по имени Мирт — высокий, крупный, с лицом, на котором всё крупное, — шедший три дня, не зная зачем. Два человека, выбравшие лес по разным причинам, оказываются на одной поляне: один убегал от мира, другому мир, кажется, ничего не оставил, кроме пути. Это история о том, чем одиночество отличается от свободы и где кончается граница между ними, — о тишине, которая однажды обнаруживает, что в ней что-то есть.

© Ominayashi, 2026

© Автор, 2026

Ominayashi

Лес, в котором нет стен

Лес, в котором нет стен

Глава 1. Тишина, в которой уместается всё

Ива жила в лесу уже столько, сколько помнила себя. Не в том смысле, что она родилась здесь, — нет, она родилась в городе Лист, как и большинство людей, — а в том, что всё, что было до леса, она давно перестала считать настоящей жизнью. Город был сном, который приснился кому-то другому, а она просто помнила его обрывки: запах хлеба из пекарни на углу Третьей Околицы, голос матери, который звал её к ужину, шорох бумаг в мастерской отца.

Лес начинался сразу за последним забором Листа. Город, правда, считал, что заборов у него много, но Ива знала: первый же забор, за которым кончаются огороды и начинается ольшаник, — и есть граница. Всё остальное — притворство.

Её хижина стояла на берегу ручья, который не имел названия, потому что называть ручей — значит признать, что он может кому-то принадлежать. Ива построила её сама, и, если быть честной, построила плохо: крыша проседала каждый год, дверь закрывалась не до конца, а в углу, где спала Ива, зимой выступал иней на брёвнах. Но это не имело значения, потому что Ива не проводила зиму в хижине. Зимой она уходила глубже в лес, в низину между двумя холмами, где ветер не доставал, а снег ложился так ровно, что казалось — кто-то заботливо приготовил постель.

Ива была невысокой, жилистой, с тёмными волосами, которые она коротко обрезала охотничьим ножом, когда они мешали видеть. Она носила одежду, которую не стыдно было порвать и зашить, и сапоги, которые не стыдно было развалить. Она не была красивой и не была уродливой; она была такой, как бывают красивыми деревья — не потому, что их оценивают, а потому, что им некуда деваться, кроме как расти.

Каждое утро Ива вставала до рассвета, когда лес был ещё серым и тихим, как сон без сновидений. Она шла к ручью, умывалась — летом ледяной водой, зимой снегом, — и заваривала себе чай из сушёных ягод и мяты. Потом она проверяла силки, собирала хворост, чинила то, что развалилось за ночь, и разговаривала.

Разговаривала она с лесом. Не в том смысле, в каком сумасшедшие разговаривают с деревьями — с ожиданием ответа, — а в том, в каком нормальные люди разговаривают с тишиной. Лес отвечал, но не словами. Он отвечал ветром, который менял направление, когда Ива думала о чём-то новом. Он отвечал синицами, которые подсаживались ближе, когда ей было одиноко. Он отвечал запахами: сырой земли, мокрого мха, грибов, которые прятались под опавшими листьями.

Ива знала названия всех грибов, но никогда не собирала больше, чем могла съесть. Она знала, где живёт барсук, где ночует лиса, где гнездится сова. Она не считала их друзьями — у Ивы не было потребности в друзьях, — но она знала, что они есть, и этого было достаточно.

Иногда, очень редко, она выходила к городу. Не в город, а к его окраине, туда, где дома редели и поля переходили в перелески. Она покупала соль, спички, изредка — нитки и иголки. Она не разговаривала с людьми, кроме тех слов, которые нужны для торга. Люди смотрели на неё с тем выражением, с каким смотрят на больных зверей: с жалостью, страхом и лёгким отвращением. Иву это не задевало. Она понимала их лучше, чем они думали. Она помнила, каково это — жить в городе, и она помнила, почему ушла.

Лист был маленьким городом. Он лежал в ложбине между холмов, словно кто-то положил его туда, как кладут в гнездо яйцо — осторожно и с надеждой, что оно не разобьётся. У Листа были узкие улочки, спускавшиеся к реке, рыночная площадь с выщербленным камнем, ратуша

с башенкой, на которой часовой механизм бил каждый час, но всегда с опозданием на две минуты, словно город не торопился жить.

Ива считала, что Лист — это место, где люди живут не потому, что хотят, а потому что привыкли. И что лес, в котором живёт она, — это место, где можно жить, потому что не нужно привыкать.

Она была, в общем, права. Но не совсем.

Глава 2. Человек, который шёл через лес

Мирт пришёл в лес с другой стороны, не со стороны Листа, а с востока, со стороны холмов, которые назывались Голубыми, хотя были серыми в любую погоду. Он шёл три дня, не зная зачем, и не задавался вопросом, потому что давно перестал задавать вопросы, на которые нет ответа.

Мирт был высоким, худым, с лицом, на котором всё было крупным: нос, скулы, брови, — словно кто-то лепил его из глины и не пожалел материала, но пожалел времени на отделку. Он носил бороду, не потому что отращивал её, а потому что забывал бриться. Он носил длинный плащ с капюшоном, не потому что был таинственным, а потому что плащ был тёплым и имел карманы.

Мирт был отшельником, но другого типа, чем Ива. Он не выбирал лес — лес выбрал его. Сначала он жил в горах, потом на побережье, потом в маленькой деревне, которая называлась Камень-на-Ветру, и каждый раз что-то выталкивало его дальше: то ли непонимание людей, то ли собственная неспособность быть среди них. Он не был мизантропом. Он любил людей — по-настоящему, нежно и безответно, как любят луну, — но он не умел быть среди них. Каждый разговор ранил его, каждый взгляд казался слишком близким, каждый звук — слишком громким. Он был тонкокожим существом, и мир для него был слишком шероховатым.

В лесу, к которому он вышел на третий день пути, Мирт впервые почувствовал, что шероховатость уменьшилась. Не исчезла — она никогда не исчезала, — но стала такой, какую можно вынести. Лес был тихим, но не пустым. Лес был живым, но не требовательным. Лес не спрашивал, кто ты такой и что ты здесь делаешь, — он просто позволял тебе быть.

Мирт нашёл поляну у большого камня, и камень показался ему знакомым, словно он уже видел его во сне, который забыл. Он сел у камня и обнаружил, что больше не хочет идти. Это было новое ощущение — за тридцать с лишним лет жизни он никогда никуда не хотел идти и ни откуда не хотел остаться. Он остался.

Первые дни он жил просто так: спал, когда хотелось спать, ел, когда удавалось найти еду, ходил, когда ноги хотели идти. Он не строил жилище — ему было достаточно камня, который защищал от ветра с одной стороны и от дождя с другой. Он не разводил огонь — ему было тепло от собственного тела и плаща. Он был, если угодно, ещё более лесным существом, чем Ива, — он не сопротивлялся лесу, а растворялся в нём.

Мирт говорил мало. Но он слушал. Он слушал лес так, как слушают музыку, — не разбирая на ноты, а впуская целиком. Он слышал, как падает лист, как лопается почка, как бьётся сердце дрозда в его маленькой грудке. Он слышал, как растут деревья — не звук, конечно, а что-то вроде звука, что-то на его грани, — и это его устраивало.

Иногда он разговаривал с самим собой. Не вслух — вслух он не разговаривал даже с собой, — а тем внутренним голосом, который у каждого отшельника становится громче обычного. Он говорил себе: «Мирт, ты, кажется, нашёл место, где тебя не будут искать». И отвечал себе: «Хорошо». И замолкал, потому что добавить было нечего.

Он не знал, что в этом лесу, в нескольких часах ходьбы от его камня, живёт кто-то ещё.

Глава 3. Ручей, который свёл

Они встретились у ручья.

Ива пришла за водой, как каждое утро. Мирт пришёл к ручью, потому что шёл вдоль него, надеясь, что вода выведет его к чему-то, о чём он не знал, но что, возможно, ему нужно. Они увидели друг друга одновременно и замерли.

Лес в это утро был особенно хорош. Туман стоял в низине, густой и белый, как простёганное одеяло, и верхушки сосен торчали из него, как мачты затонувших кораблей. Ручей бежал между камней, и вода в нём была чёрной, потому что туман отражался в ней, — чёрной и блестящей, как полированное стекло. На противоположном берегу росла старая ива, и её ветки свисали до воды, и каждые несколько минут капля срывалась с листа и падала в ручей, и расходились круги, и круги были идеальными, и казалось, что кто-то очень аккуратно рисует их тонкой кистью.

Ива увидела человека. Человек был высокий, бородатый, в длинном плаще, и стоял по колено в тумане, и выглядел так, словно вырос здесь, вместе с травой и мхом. Она не испугалась. Она давно перестала бояться чего-либо, кроме потери леса, а человек не выглядел как угроза лесу. Он выглядел как часть леса, которая по ошибке приобрела вертикальное положение.

Мирт увидел девушку. Девушка была маленькая, темноволосая, с ведром в руке и взглядом, который был не испуганным и не любопытным, а спокойным, как у зверя, который увидел другого зверя и решает, стоит ли обращать внимание. Он не испугался тоже. Он давно перестал бояться людей, потому что перестал встречать их.

Они стояли друг напротив друга минуту, может быть, две. Ручей бежал между ними. Капли падали с веток ивы и рисовали круги. Синица на ближайшей сосне выкрикнула что-то короткое и деловитое, словно обращаясь к ним обоим.

— Ты давно здесь? — спросила Ива. Не потому что хотела знать, а потому что молчание стало слишком плотным, и его нужно было чем-то прорезать.

— Три дня, — сказал Мирт. — Или три недели. Я не считаю.

— Зимой здесь трудно, — сказала Ива. Не как предупреждение, а как факт.

— Я не боюсь трудного, — сказал Мирт. — Я боюсь лишнего.

Ива кивнула. Это было правильно. Это было так, как она сама думала. Она набрала воды и ушла, не оглядываясь. Мирт остался стоять у ручья и смотрел ей вслед, и чувствовал, что что-то сдвинулось — не в лесу, а в нём, — как будто камень, который лежал у него внутри, перевернулся и лёг по-другому. Не легче и не тяжелее, а по-другому.

Они не виделись неделю. Мирт думал о встрече каждый день, но не как о чём-то, что нужно повторить, а как о чём-то, что нужно осмыслить. Он осмысливал медленно, как делал всё медленно, и к концу недели решил, что встреча была правильной и что лес, который привёл его к ручью в тот час, когда Ива пришла за водой, — знал, что делает.

Лес, разумеется, ничего не делал. Лес не знает и не планирует. Лес просто есть. Но отшельникам свойственно приписывать лесу намерения, и в этом нет ничего дурного — это просто способ думать о мире, который не думает о тебе.

Через неделю Мирт пошёл по ручью вниз по течению и нашёл хижину. Ива сидела у входа и чинила сеть. Она увидела его, кивнула и указала на место рядом с собой. Мирт сел. Они молчали долго — час, может быть, больше. Лес шумел вокруг них: ветер гулял в кронах, дятел работал где-то далеко, как прилежный плотник, белка ругалась на что-то невидимое.

— Сеть порвалась, — сказала Ива наконец, не поднимая глаз.

— Я умею чинить сети, — сказал Мирт.

Это была ложь. Он не умел. Но он хотел научиться, и для начала хватило желания.

Ива посмотрела на него и, возможно, впервые за все годы в лесу улыбнулась. Улыбка была маленькая, короткая, как просвет между облаками, — но Мирт её увидел и запомнил.

Она дала ему нитку и иголку и показала, как вязать узлы. Его пальцы были неуклюжие, слишком большие для тонкой работы, но он был терпелив, и к вечеру сеть была починена, и узлы держали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.